

Илья Зайцев

В надежде на посмертное воздаяние...

*Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу...*

А.С. Пушкин

История ислама в столице России насчитывает несколько сот лет. Столичная мусульманская община образовалась не позже XIV в. – в то время в Московском Кремле существовал Ханский двор для прибывавших из Золотой Орды послов и баскаков. Этническую основу общины долгое время составляли татары (в основном казанские и касимовские, а также мишари; применительно к XV–XVI вв. можно говорить о крымских татарах и ногайцах) и башкиры, с небольшим вкраплением выходцев из Средней Азии и Кавказа. Позже в общину вливаются немногочисленные уроженцы Ирана и Османской империи – главным образом пленные, взятые в ходе русско-турецких войн (большая их часть, крестившись, пополнила ряды православных).

В топонимике Москвы осталось довольно много наименований, свидетельствующих о тюрко-исламском языковом влиянии. Тюркские языки (прежде всего татарский) пополняли многие профессиональные московские жаргоны. Например, барышники и цыгане на Конной площади в районе Серпуховской заставы в конце XIX в. говорили: «бешь-алтынный» – пятиалтынный; «бешь-дерив» – пять рублей; «онбешь» – пятнадцать и «бешь» – пять; «алтыги» – шесть рублей; «экиз» – полтинник; «жирмас» – двадцать.

В отличие от многих других европейских столиц средневекового мира, в Москве к мусульманам и представителям некоторых других вероисповеданий относились в целом довольно терпимо. Иоганн Брембах, секретарь посольства Ганзейского союза, побывавший в столице в 1603 г., заметил: «Здесь каждому предоставляется свобода вероисповедания...». Адам Олеарий в середине 30-х гг. XVII в. писал: «Московиты относятся терпимо и ведут сношения с представителями всех наций и религий, как-то с лютеранами, кальвинистами, армянами, татарами, персиянами и турками». Ограничения свобод инаковерующих касались, в основном, некоторых сторон имущественного права. Например, неправославным христианам, а также мусульманам запрещалось иметь в Московском го-

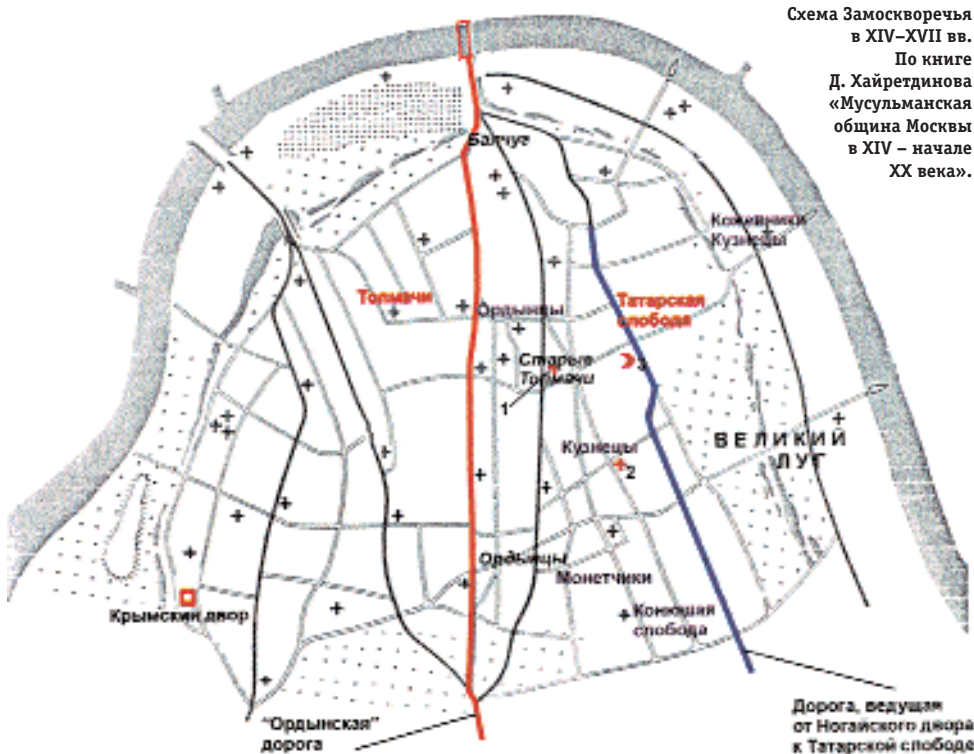
Илья Владимирович Зайцев – кандидат исторических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН.

сударстве собственных холопов-православных. В 20-й главе Соборного уложения 1649 г. («Суд о холопах») этому случаю было уделено особое место: «А иноземцем некрещеным на Москве и в городех держати у себя во дворах в работе иноземцев же всяких розных вер, а русским людем у иноземцев некрещеных, по крепостям и добровольно, в холопстве не быть...». Этот запрет соблюдался и позже по отношению к крепостным крестьянам: мусульманин не мог владеть ими – это значило бы очевидное попирание исламом православия (только много позднее, с вхождением в состав империи польских территорий, на которых польско-литовские татары издавна владели на правах собственников христианами, это положение было нарушено).

Именно этим запретом был вызван, например, указ Екатерины II от 22 февраля 1787 г. о подтверждении татарскими родами, в том числе и московскими, своей знатности. Копия указа была направлена из Сената главнокомандующему Москвы сенатору П.Д. Еропкину. В этой сенатской корреспонденции, полученной 18 ноября 1787 г., значилось, «чтоб все те, кои из так называемых князей и мурз татарского происхождения в каком бы они законе от праотцев своих ни остались, предъявят жалованья предкам их государския грамоты на недвижимыя имения и другия писменные виды, утверждающия благород-

ство с ясным доказательством, что они от тех родов произошли, возстановлены были в состоянии им свойственное, и по написании их в геролдии особым списком, воспользовались всеми теми вольностями, выгодами и преимуществами, каковыми от щедроты своих предков и Ея Императорскаго Величества российское дворянство пожаловано, исключая только право покупать, приобретать и иметь крепостных или подданных христианскаго исповедания, коими ни кто в Империи Ея Императорскаго Величества, не будучи в христианском законе, ползоваться не может». Разборы конкретных дел о дворянстве татарских родов были препоручены губернским дворянским предводителям.

У нас нет документальных известий о существовании в средневековой Москве мечети и мусульманского кладбища, однако в том, что они были, можно не сомневаться. Якоб Рейтенфельс (он жил в Москве в 1670–1673 гг.) оставил после себя «Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии», в котором свидетельствовал: «Вне города свободно отправляют свое богослужение в одном месте поляки, исповедующие греческую веру, в другом – татары со своими омерзительными обрядами». А Эрколе Зани в то же время в своей «Реляции о путешествии в Московию» писал: «Вне города, в кибитках, живут подданные татары, коим позволено иметь мечеть».

Участники похоронной процессии несут носилки – табут. Миниатюра из «Искандер-наме» Ахмеда. XV в.

Община московских мусульман в религиозно-догматическом плане была достаточно однородна – абсолютное её большинство составляли сунниты, и до начала XX в. шииты существовали независимо от суннитского большинства. Вопрос о шиитах в Москве в эпоху Средневековья и Нового времени требует отдельного рассмотрения. Многочисленные и влиятельные персидские шиитские общины существовали и в других русских городах, более всего известна персидская община Астрахани. Много персов издавна жило и в Москве.

Естественно, что не все мусульмане в городе находились в хорошем положении. Чешский путешественник Бернгард Леопольд Франциск Таннер, побывавший в Москве в 1678 г., так описывает московских мусульман близ реки Неглинной: «Тут же место «княжеских щедрот» – я говорю про тюрьму татар, из коих некоторые калмыки, иные – черкесы, казаков, турок и всех, кто попадет к москвитянам в плен для умножения величия князя; они (тюрьмы) всегда содержатся на его счет, и делаются всевозможные усилия, чтобы пленных было как можно больше для большей славы князя, так что зачастую их бывает свыше двух тысяч. Каждая их пара сковывается по ночам длинною цепью и тащит на ней по земле гвоздь, которым они на ночь приковываются к полу в тюрьме. Они про-

дают по городу конские бичи и где найдут стервятину – конскую, собачью и иных животных, пожирают её сырьём».

Документальное свидетельство существования в Москве мечети и мусульманского кладбища относится только к 1744 г. (оно сохранилось в переписных книгах Москвы за 1737–1745 гг.). В 1782 г. в Татарской слободе Замоскворечья на дворе Султан-мурзы Сименя возводится деревянная мечеть, просуществовавшая до начала XIX в. В 1823 г. на участке купца первой гильдии Назарбая Хамалова была построена уже каменная (в 1881 г. она была перестроена, возведены минарет и купол). Молитвенные собрания в ней вплоть до 1913 г. проводились ахунами из рода Агеевых.

Погребальный обряд – одно из самых закрытых для иной этнорелигиозной среды действий. Неудивительно поэтому, что ещё в средневековом христианском мире исламский погребальный обряд обрастал легендами и мифами, не имеющими никакого отношения к действительности. Например, флорентинец Лионардо ди Никколо Фрескобальди в записках о путешествии в Святую Землю (1384) отмечал: «В Ламехе [имеется в виду Мекка. – И.З.] тело Магомета, к которому они идут на поклон, как мы ходим ко Святому Гробу; и говорят, что церковь, то есть стены, кровля и пол, – из магнита; поскольку же магнит притягивает железо, они поместили, исчислив всё в точ-

Похороны в Турции. Гравюра из собрания

ности, посередине, то есть в воздухе, железную клетку, которую притягивает одинаково как от стен, равно от кровли и от пола, так что она держится в воздухе посередине сказанной церкви. И в этом ковчеге, или железной клетке, погребено тело Магомета». Другой автор – англичанин Джером Горсей, описывая свое пребывание в Москве в царствование Ивана Грозного, передает слова русского царя о чудесных свойствах магнита: «Гроб персидского пророка Магомета из стали чудесно висит над землей в их мавзолее в Дербенте». Понятно, что к действительности эти совершенно фантастические сведения отношения не имеют.

На самом деле погребальные обряды в исламе строго подчинены предписаниям шариата (араб. *шари'а*, от глагола *шара'а* – «наставлять на прямой путь») – своду правил поведения мусульманина на все случаи жизни. В одном из *хадисов* (преданий о жизни пророка Мухаммада) сам пророк говорил: «Спешите хоронить своих мертвых. Они скорее достигнут вечного блаженства, если были праведны в земной жизни. А если они были порочны, то тем самым вы скорее удалитесь от них, осуждённых гореть в пламени ада». Первоначальный ислам предельно просто относился к погребению: бедуины не знали кладбищ как таковых (покойника просто закапывали в землю, не ставя на этом месте даже памятного знака). Лишь в знак уважения к особо выдающемуся покойному

Bibliothèque Nationale, Paris. 1533.

// весна 2005 //

Сцена оплакивания на кладбище. Миниатюра из «Шах-наме» Фирдоуси. XVI в.

(убитому или умершему герою) на его могиле приносили в жертву верблюда. Сначала так было и у первых мусульман.

В одном из *хадисов* говорится, что на месте погребения мусульманина не следует ставить памятника. Могила должна быть сровнена с землей «таким образом, что, сделав семь шагов в сторону, её нельзя было бы отличить от окружающей почвы». Амр ибн ал-Ас – арабский полководец времён раннего ислама, покоритель Египта, якобы говорил: «Когда я умру, то не плачьте по мне, не отмечайте моей могилы ни деревом, ни камнем. Когда вы меня похороните, посидите у моей могилы, пока не убьют верблюда и не раздадут его мясо, чтобы я мог ещё немного насладиться вашим обществом».

Похоронный обряд в классическом исламе предполагает омовение покойного, чтение специального намаза, чтение Корана, максимально возможное быстрое захоронение покойного (в течение суток), особая форма могилы с боковой нишей, направленной в сторону Мекки (араб. *ляхад*), захоронение в саване (араб. *кяфан*) без гроба.

В условиях современного города, например Москвы, доскональное следование шариатским нормам (в том числе и обряду похорон) совершенно невозможно по объективным обстоятельствам. Мусульмане вынуждены приспособливаться к местным условиям, но так, чтобы всё же максимально выполнить требования шариата.

В современных условиях из-под умершего мусульманина убирают мягкую постель, укладывают его ногами в сторону Мекки (т.н. *кибла*), руки вытягивают вдоль тела. Похороны стараются провести как можно быстрее: умершего ночью или рано утром хоронят в тот же день. Как правило же, хоронят на следующий после смерти день. Так как на собирание необходимых справок уходит как минимум день, то омовение тела откладывается до того дня, когда намечены похороны. В любом случае, как замечают очевидцы, похороны у мусульман Москвы происходят, как правило, на день-два быстрее, чем у русских. В течение этого времени пожилые мусульмане, близкие семье покойного, днем и ночью читают *зикр* (помянутие Аллаха с помощью *чётков-тесбих*) и формулу единобожия (*тахлиль*). В доме умершего запрещается есть, пить и курить.

Могила мусульманина должна быть ориентирована строго на *киблу*. Сама яма должна копаться со специальной нишей (подбodem) в боковой стенке – *ляхад*. При сыпучем или глинистом грунте на московских кладбищах нишу не делают: на дне могилы выкапывается вдоль небольшое углубление, земля из которого складывается под голову покойного. После того как могила вырыта, покойного обмывают (порядок обмывания строго расписан в шариате, мужчину обмывают только мужчины, женщину – только женщины), нередко при этом жгут можже-

вельник или какую-нибудь душистую траву), а после обряжают. Погребальное облачение мусульманина – *кяфан* (двухслойный саван, сшитый из двух или трёх белых полотнищ, который завязывается у головы и у ног), нательная рубаша и два куска ткани для покрытия головы и нижней части тела.

После всех этих процедур покойника кладут на своего рода носилки или ящик с невысокими бортами под названием *табут*. Из дома выносят вперёд ногами, а на кладбище несут головой вперёд (в сельской местности считается, что покойник при этом видит родные места). В похоронной процессии до сих пор участвуют только мужчины. Во дворе дома или перед входом на кладбище над покойником совершают специальный намаз (*джаназа*) (в современном городе его можно прочесть либо в квартире, либо на лестничной площадке, либо непосредственно на кладбище). Относительно недавно утвердился обычай везти покойного в мечеть.

Руководитель похорон спрашивает присутствующих: хорошим ли был этот человек на земле, хорошо ли жил, и все отвечают: «Хорошим человеком был, хорошо жил». Перед захоронением муллы, как правило, читает 36-ю суру Корана «Йа син», в которой говорится о всеилии Бога, о рае, аде, посмертном воздаянии, воскресении из мертвых. В могилу опускают только самые близкие люди (в идеале опу-

Могила мусульман на Даниловском кладбище в Москве.

скают в выкопанную нишу и закрывают её досками или кирпичами). Если ниши нет, то по углам ямы вбивают столбики, на которые опирают настил из досок.

Поскольку захоронение только в саване в современных московских условиях невозможно, то используют ящик *джаназа*, являющийся подобием гроба, но таковым не считающийся (отсутствуют матерчатая обивка, украшения, а крышка плоская). В последние годы весь комплекс ритуальных услуг, в том числе продажа *джаназа*, оказывается в столичных мечетях. Согласно мнению религиозных авторитетов, захоронение покойного мусульманина в ящике нарушением исламских норм не является.

Если хоронят женщину, то четверо мужчин держат над могилой покрывало, в которое был обернут *табут*, до тех пор, пока покойницу не поместят в подбой. Когда могила засыпана, участники похорон усаживаются вокруг, и мулла читает суру из Корана, а родственники покойного раздают *садака* (специально подготовленные деньги, вещи и т.д.) пришедшим на похороны в качестве напоминания о покойном. Обязательной была могильная милостыня (*гур садакасы*) – живность (чаще всего овца) мулле, до того как опустят покойника в могилу (в современных условиях её заменяет соответствующая сумма денег, а на селе курица или даже яйцо). Раньше в состоятельных семьях мулле платили т.н. *фридио* (ло-

шадь, корову, постройку и проч.), «отпуск за грехи». Поминки проводили на третий, седьмой, сороковой дни после похорон, а также через год после них. Поминки представляли собой праздничный обед с приглашением либо мужчин, либо женщин, причем обычно на стол подавалось то же, что и во время любого другого званого обеда: специальная поминальная пища у современных татар не сохранилась. Перед угощением читали Коран, раздавали присутствующим милостыню (*садака*).

Вероятно, одним из первых московских мусульманских кладбищ было кладбище близ Калужской заставы – на территории современного Горного университета (Ленинский проспект, д. 6) и частично парка им. Горького. Это кладбище вошло в историю тем, что на нём или рядом с ним татары захоронили останки казнённого Степана Разина.

В конце 1770 и особенно в 1771 г. в Москве свирепствовала чума («моровая язва», как её тогда называли). Только в 1771 г. в городе умерло почти 60 тыс. чел. Именно это обстоятельство стало причиной коренной реорганизации похоронного дела в Москве, устройства новых кладбищ и реорганизации старых. Захоронения в городах (прежде всего на приходских кладбищах при церквях и за Земляным валом) были запрещены. Указом Синода от 24 мая 1771 г. за городом отводились особые места

На надгробиях можно увидеть *тахлил* и аяты из Корана.

для захоронений. Так были созданы первые общегородские кладбища в Москве: Семь для православных – Семёновское, Даниловское, Дорогомилловское, Ваганьковское, Миусское, Калитниковское и Пятницкое, два для старообрядцев (Преображенское и Рогожское). Каждая из 14 полицейских частей города хоронила на одном из этих кладбищ. В том же году была отведена земля для устройства за Даниловским кладбищем нового татарского кладбища для умерших от чумы и других болезней.

Судьба мусульманского кладбища за Калужскими воротами после 1771 г., когда мусульманам выделили кусок за Даниловским кладбищем, была предрешена: перечень вельмож, владевших соседними с кладбищем землями, не оставлял общине никаких шансов, настолько влиятельные и богатые это были люди.

Однако просто отнять землю у татар никто не мог: чиновникам нужен был добровольный отказ или согласие на продажу. 1 марта 1787 г. Главнокомандующий Москвы П.Д. Еропкин рапортовал Сенату о том, что кладбище должно остаться за татарами, т.к. «данную им [т.е. татарам – И.З.] от присутственного места выписать уничтожить мне невозможно». 22 марта того же года главнокомандующему Москвы была доставлена копия Указа Екатерины II, в котором было сказано, что, «сие дело до решения Сената не принадлежит, а следует к разбору в установленных по сим высочайшего учреждения присутственных местах Московской губернии».

Однако вскоре Московская управа благочиния донесла П.Д. Еропкину: «но ныне он Семенев [‘Абд-рахман Семенев, житель Татарской слободы. – И.З.] с протчими той [т.е. Татарской. – И.З.] слободы жителями, осмотрясь, находят себе по малоимуществу своему в несостоянии как то кладбище обгородкою забором, так и содержанием всякой полицейской должности, а паче по обширности улицы постройки каменной мостовой исправлять и иметь того кладбища за собою от ныне и впредь не желает». Татары решили продать участок, а также и окружающий его забор «в столбах», т.к. в кладбище «яко в праздном месте нужды и надобности они не

имеют ибо вместо того татарской их слободы для кладбища имеется другое место, отведённое за общим Даниловским кладбищем». 21 января 1790 г. Семенев прошением в Московскую управу благочиния «от содержания и владения того кладбища по прописанным резонам вечно отозвался». Вследствие этого 7 февраля 1790 г. кладбище «за отречение татарским от владения» было отдано А.Г. Орлову-Чесменскому «в вечное потомственное владение». Во избежание возможных недоразумений в будущем, 20 февраля 1790 г. главнокомандующий предложил Управе «обязать их [т.е. татар. – И.З.] подпискою и в том, чтоб они добровольно оставя навсегда означенное место, не просили после как о возвращении того, так равномерно и об отдаче взамен того другого».

Шариат, как известно, не одобряет сооружения надмогильных надстроек и всякого рода украшений на могилах (кроме посадки деревьев и кустарников). Однако обычай допускает установку плиты с именем покойного, датами его рождения и смерти, *тахлилем*, аятами из Корана и т.д. Обычно надпись на надгробии состоит из преамбулы – *тахлиль* («Нет божества кроме Бога, а Мухаммад пророк его!»), нередко добавляется какой-нибудь стих из Корана или просто арабское **لله** – «Он», (т.е. Бог). Формуляр начинается словом **قبر** (араб.-тюрк. – «могила»), далее – имя и социальное положение (напр. **مولا** – «мулла», или **زوج** – супруга); затем – год цифрами и татарское окончание порядкового числительного, затем татарское **ف ١٤** «в году»; название месяца и его число с аффиксом местного падежа **ف** (может быть, и без числа); далее возраст покойного цифрами и слово **ف ٤٧** «в возрасте».

Надгробие. Золотая Орда, Крым. XIV в.

Иногда приводятся молитвы (пожелания, чтобы могила была среди могил праведников). В последнее время на могильную плиту помещают также и фотографии, а богатым мусульманам стали устанавливать на могилах скульптурные памятники. Подобные факты резко осуждаются и в мечетях, и в выпускаемой российскими и зарубежными мусульманами литературе, и на традиционных религиозных собраниях.

По данным на 1888 г., Татарское Даниловское кладбище занимало площадь 3 десятины 172 кв. сажени (около 3,5 га), что совершенно несопоставимо с крупными православными кладбищами. Персидское кладбище в Москве (вероятно, шиитское) занимало еще меньшую площадь – всего 366 квадратных сажен. Такие размеры кладбища соответствовали числу мусульман в Московской губернии: по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. численность мусульман в губернии составляла 4567 душ мужского пола и 995 душ женского, т.е. 0,23 % общего количества населения.

Даниловское мусульманское кладбище оставалось долгое время единственным в столице. Только в 1956 г. у московских мусульман появилось второе кладбище – Кузьминское, а в последние годы были вы-

делены небольшие участки на Митинском, Бутовском, Домодедовском, Хованском кладбищах, в Солнечногорске, Апрелевке, Купавне и других местах.

Сегодня Москва – едва ли не главный центр ислама в России. Мусульманская община города – вторая по численности после православной. В современной Москве проживает более 1 миллиона этнических и новообращенных мусульман, действует 4 мечети (Историческая на Большой Татарской улице, Соборная в Выползовом переулке на проспекте Мира, в Отрадном на ул. Хачатуряна, Мемориальная на Поклонной горе), не считая мечетей при посольствах исламских государств (например, шиитская при Иранском на ул. Новаторов), 20 общин и приходов, из которых 2 афганские, боснийская, турецкая, исмаилитская и другие.

Плакальщицы у тела покойного.
Миниатюра из «Хамсе» Низами. XVI в.

В оформлении использованы фото автора и иллюстрации из книг:
Земное искусство – небесная красота. Искусство ислама. СПб., 2000;
Cimetières et traditions funéraires dans le Monde Islamique. Ankara, 1996. V. II;
Hegyí K., Zimányi V. Muslime und Christen. Budapest, 1988.

Асадуллин Ф.А. Москва // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М., 1998. Вып. I. РГБ: 12 98-3/144; 145.
Ислам в Российской империи. (Законодательные акты, описания, статистика). М., 2001. РГБ: 102-1/151; 102-1/152.
Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации. М., 1999. РГБ: 3 99-19/239; 3 99-19/240.
Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы. Т. II. М., 1954.
Татары. М., 2001. РГБ: XXIV 143/5; XXIV 143/6.
Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX века. Нижний Новгород, 2002.